

«ТРОПИНКОЙ ТЕСНОЙ И ГЛУХОЙ / МЕЖДУ ДИВАНОМ И СТЕНОЙ»: «ИГРА В РОБИНЗОНА КРУЗО» И ЕЕ ПРОСТРАНСТВО (РЕКА, ЛЕС, УСАДЕБНЫЙ ДОМ) В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ (РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ КОНТЕКСТ)

Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ

№ 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд»

В статье анализируется образ Робинзона Крузо и его интерпретация в детской игре в литературе Великобритании и России конца XIX – начала XX века. Мы анализируем, как и по каким причинам образ Робинзона Крузо оказался так привлекателен для нескольких поколений детей, как он трансформировался и как по-разному проявлял себя в детских играх. В основе нашего анализа будет лежать литературный материал, в основном – произведения детской литературы (поэзия Р.Л. Стивенсона, Р. Киплинга, проза К. Грэма), а также воспоминания писателей о детстве и автобиографическая проза. Отдельное внимание уделяется своеобразию «игры в Робинзона», которая велась по особым правилам и насчитывала несколько вариантов, задействовавших иногда лишь детское воображение, иногда преобразивших окружающий мир, а иногда и требовавших театрального реквизита. Кроме того, «игра в Робинзона» требовала определенного пространства, и ребенок, у которого не было возможности отправиться на действительный остров, был вынужден адаптировать для своих целей окружающий мир, давая предметам новые функции, а землям – новые назначения.

Ключевые слова: детская литература, «робинзонада», Дефо, Висс, «Швейцарский Робинзон», детская игра, круг детского чтения.

Влияние романа Даниэля Дефо (1660–1731) «Робинзон Крузо» («Robinson Crusoe», 1719) на европейскую литературу едва ли можно переоценить. Один из первых романов Нового времени (во многом обозначивший будущие границы этого жанра), он оказал значительное воздействие на мировую культуру и отразился в бесчисленном количестве литературных произведений, рассчитанных на «взрослого», образованного читателя. Однако, как отмечают исследователи, не меньшее влияние он оказал литературу детскую; в частности, «Оксфордский путеводитель по детской литературе» сообщает, что этот роман Дефо «предоставил модель для несметного множества детских произведений на всех языках» [14, р. 220].

«Робинзон Крузо» стал одной из первых «взрослых» авторских книг (наравне с «Путем паломника» Дж. Беньяна и «Приключениями Гулливера» Дж. Свифта), которые прочно вошли в «круг детского чтения», – и пользовался любовью маленьких английских читателей на протяжении почти трех веков, вплоть до конца XIX столетия¹. В исследовательском труде «Литература для отрочества как она есть» («Juvenile Literature As It Is», 1888) викторианский литературный критик и педагог Эдуард Сэлмон (Edward Salmon) опубликовал результаты опросов «Моя любимая книга» и «Мой любимый автор», проведенных им среди детей обоих полов младшего школьного возраста. У мальчиков во второй категории с уверенностью лидировал Чарлз Диккенс, набравший 223 голоса,

тогда как Даниэль Дефо набрал лишь 24. Однако при этом в номинации «Любимая книга» первое место занял «Робинзон Крузо» (44 голоса), тогда как «Посмертные записки Пиквикского клуба» (единственное произведение Диккенса в перечне) получили лишь 22. Второе место среди «любимых книг» занял «Швейцарский Робинзон» Й.Д. Висса (24 голоса; о нем речь пойдет далее), а Библия «удостоилась» всего 15 голосов [см.: 14, р. 285]. Иными словами, опрашиваемые дети были прекрасно знакомы с книгой о Робинзоне и любили ее, но не знали, кто ее автор, меж тем как имя Диккенса, первого романиста викторианской эпохи, определено было у них на слуху.

Еще в XVIII столетии историю Робинзона пытались адаптировать для детей. Книга вошла в школьную программу, и ее экземпляр имелся на полке любого британского учебного класса. В XIX веке в жанр «робинзонады» проникли и персонажи-дети. Первым образцом такого произведения с участием маленьких героев-островитян стал «Швейцарский Робинзон» («Der schweizerische Robinson», опублик. 1812) Йоханна Давида Висса (1743–1818). Английский его перевод увидел свет уже в 1814 году, осуществленный предположительно Уильямом Годвином и опубликованный его женой Мэри под заглавием «Семейный Робинзон Крузо» («The Family Robinson Crusoe») [см.: 14, р. 510]. Основная идея произведения, как позиционировал ее сам Висс, заключалась в том, чтобы «посредством занимательных наблюдений пробу-

дять в моих сыновьях любознательность, оставив притом время для работы их воображения, а также для исправления тех ошибок, в которые они могут впасть» [цит. по: 21, р. 51]. «Швейцарскому Робинзону» в Англии «наследовали» многочисленные романы-«робинзоны», рассчитанные в том числе на детей и подростков, такие как «Юный островитянин» («The Young Islander», 1842) Дж. Тейлора, «Маленький дикарь» («The Little Savage», 1848) Фр. Марриэта, «Коралловый остров» («The Coral Island», 1857) Р.М. Баллантайна и т. п. Акцент в них, в отличие от романа Висса, был сделан на приключениях и удивительных происшествиях – а это, естественно, привлекало юную (и прежде всего мальчишескую) аудиторию.

На русском языке «Робинзон» Д. Дефо (а также его многочисленные «последователи») впервые появился в XVIII веке; до этого историю островитянина из города Йорка дети и взрослые читали на языке подлинника, а больше – во французских и немецких переложениях. Первый перевод-пересказ романа Дефо, «Жизнь и приключения Робинзона Круза [*sic!*], природного англичанина», был выполнен именно с французского языка Я.П. Трусовым и публиковался в 1762–1764 годах, значительно сокращенный и переосмысленный – как, впрочем, и все первые «переводы» «Робинзона». В 1792 году появилась и «детская» версия книги (правда, не романа Дефо, но его немецкой адаптации) – «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный Кампе, пер. Печерина» (1792) [подробнее об этом см.: 6, с. 49; 11, с. 11]. Кроме того, несколькими годами ранее в «Детском чтении» Новикова – одном из первых детских журналов в России [см. об этом: 10, с. 15–17] – был помещен краткий очерк жизни и приключений Александра Селькирка (английского матроса, послужившего прототипом для Робинзона Крузо). На протяжении XIX века продолжили возникать переложения книги Дефо и ее многочисленных «изводов» – английских, французских и немецких: по сообщению Е.П. Приваловой, систематический каталог торгового дома «Фену и К°» (опубл. 1882), «насчитывал двадцать одно название “Робинзона” и почти столько же робинзонов» [6, с. 52]. Наконец, в 1876 году увидело свет сочинение Н. Сибирякова «Русский Робинзон» – история отставного гусара Сергея Лисицына, которого в наказание за дерзкое поведение и попытку склонить команду к бунту экипаж корабля высадили на острове в Охотском море, оставив ему теплую одежду, провиант и оружие. Юный повеса, оказавшись перед лицом смерти, был вынужден волей-неволей перевоспитываться – и в итоге, пройдя суровую школу, устроил на острове не только жилище, но и хозяйство, – и через десять лет был взят на борт проходившим мимо кораблем, перевоплотившись в образцового человека.

Впрочем, «Робинзон Крузо» дал схему не только для историй, рассчитанных на детей, но и для

детских игр. Как известно, одним из основных катализаторов детского воображения, способов его пробудить, служат прочитанные ребенком книги. Знаменитый шотландский писатель Роберт Луис Стивенсон (1850–1894) в эссе «Детские игры» («Child's Play»)² из сборника «Virginibus Puerisque» (1881) и вовсе пишет о том, что чтение является для ребенка единственным источником, откуда он черпает умозрительный материал для игр [см.: 23, р. 212–213].

Как представляется, «игра в Робинзона» была привлекательна для маленького читателя, вдохновенного приключенческой книгой, по целому ряду причин. Прежде всего, она предоставляла ему возможность не только побыть самостоятельным, ни от кого не зависящим, «взрослым», но и обрести свое пространство, самостийный анклав на территории взрослого мира. Ребенок, играющий в Робинзона на острове, дает вещам имена, нарекает земли, очерчивает границы своего «королевства». Этот момент особенно хорошо прослеживается в романе английского писателя-руралиста Ричарда Джеффриса (1848–1887) «Бевис. История одного мальчика» («Bevis: A Story of a Boy», 1882). Роман повествует о приключениях двух детей, десятилетнего Бевиса и его друга Марка, на ферме Бевисова отца и в ее окрестностях. Игры развлекающихся на природе друзей отчасти напоминают «игру в Робинзона» (хотя и не являются ею де-факто); в частности, в первых главах романа мальчики строят плот из ящика от картины, сплавляются на нем по реке, «открывают» новые земли и водоемы – и дают им имена, очевидно, считая своими: «Этот клочок земли, большей частью поросший лозняком и ивами, а местами – открытый, с разбросанными тут и там купами деревьев, – был территорией Бевиса, его личной собственностью, над которой он был царем и властителем [autocrat and king]» [19, v. 1, р. 36]. Ср. этот пассаж с эпизодом из романа Дефо, когда герой поднимается на открытую площадку на высокой скале и окидывает взглядом окрестности: «Я... с тайным удовольствием... подумал, что всё это мое: я царь и хозяин [king and lord] этой земли; права мои на нее бесспорны, и, если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда» [2, с. 94–95].

«Игра в Робинзона» позволяет ребенку оказаться среди естественной (как ему кажется), не обработанной человеком природы – но при этом остаться частью цивилизованного мира. В одной из сцен Бевис отчитывает Марка, предположившего, что они дикари: «Ну и дурак же ты! <...> Никакие мы не дикари, и не буду я в такое играть! Мы только что открыли новую реку – и будем сплавляться вниз по ней на плоту» [19, v. 1, р. 29]. В мечтах о естественной жизни ребенок всё равно сохраняет за собой право на цивилизованность и рациональное знание. Недаром чуть далее Бевис указывает

на дикость окрестных земель: «...здесь на тысячу миль вокруг нет ни одного человека, умеющего читать» [19, v. 1, p. 30], – очевидно, при этом подразумевая тот факт, что сам он читать *умеет*.

Еще одной особенностью «игры в Робинзона» становится для ребенка возможность создать свой мир собственными руками, сочетание ремесла, кустарного дела и творчества. Воплощением такого мира, «плодами прогресса» среди дикой природы становятся простые строения (шалаш или хижина из соломы и прутьев), а также самодельный плот, именуемый нередко в подобных играх «каноз» (canoë) [см.: 14, p. 45]; последнее, в частности, упоминается и у Р. Джеффриса в «Бевисе» [см.: 19, v. 1, p. 40]. Каноз и плот – плавучие средства, созданные одним человеком (в противоположность кораблю, строительство которого – неизменно результат группового труда); недаром в разговоре с деревенским старостой, повстречавшим детей с их ящиком от картины, Бевис возмущенно восклицает: «Никакой это не корабль, это плот!» [19, v. 1, p. 36].

«Робинзон Крузо» стал и одной из первых книг, привнесших в детскую игру профессиональную морскую лексику (в этом отношении ему наследует «Остров сокровищ», о котором речь пойдет далее). Отражается это и в «Бевисе»: бортики ящика, на котором мальчики плывут по реке, Бевис называет планширом (gunwale), веревку, привязанную к носу плота, – фалинем (painter), и т. д. и т. п.

Разумеется, не у каждого ребенка, играющего в «Робинзона», есть возможность отправиться на действительный остров или сплавиться по реке на самодельном плоту. Но в то же время игра требует определенного локуса или локусов; по меньшей мере в их число входит сам остров, разделенный на части (хижина, пляж, джунгли, вершина скалы и т. п.), а в пределе – окружающее море, корабль (либо его останки), лодка Робинзона и др. Таким образом, игра возможна лишь при определенной доле театральности и при активной работе детского воображения. Силами последнего роль острова Робинзона может исполнять не только отдельная часть усадьбы или дачи – густо разросшиеся кусты, заросли лопуха и репейника, или, допустим, лодочный сарай, любимое место игры «болеющих морем» мальчишек, но даже отдельные комнаты, определенный уголок детской (если вся игра происходит в ее пределах) и даже манеж или кровать.

Образ такой игры, происходящей в краю, творимом одним лишь детским воображением, Р.Л. Стивенсон представляет в стихотворении «Вычитанные страны» («Land of Story Books») из сборника «Детский цветник стихов» («A Child's Garden of Verses», 1885): «Now, with my little gun, I crawl / All in the dark along the wall, / And follow round the forest track / Away behind the sofa back» – «И вот, со своим маленьким ружьем, я крадусь / В темноте вдоль стены / И следую по окружной лесной тропинке / За спинкой дивана» [22, p. 65]. В стихотворении

«Путешествие» («Travel») из того же сборника описываются мысли ребенка, мечтающего о дальних странствиях; среди образов, возникающих в фантазии мальчика, упоминается и Робинзон за работой: «I should like to rise and go / Where the golden apples grow; – / <...> / And, watched by cockatoos and goats, / Lonely Crusoes building boats...» – «Я хотел бы отправиться туда, / Где растут золотые яблоки, / <...> / И, наблюдаемые какаду и козлами, / Одинокие Крузо строят лодки» [22, p. 13].

Как отмечает исследователь Э. О'Мэлли, «робинзонады – это истории не только... об открытии необычных, экзотических мест, но также об их “одомашнивании”, превращении в свой дом героями-путешественниками. Иными словами, это истории, в которых, помимо прочего, сделан акцент на женской по сути [feminine-coded] практике домоводства» [21, p. 48]. «Робинзон Крузо» прочно увязывается «с темой дома и семьи» [21, p. 48], а домашние, семейные ценности сочетаются в нем с «мужественными атрибутами империализма и приключений» [14, p. 51]. Как отмечает Р.Л. Стивенсон, «Крузо постоянно занимается кустарным трудом – и должен... *отыгрывать* [play] множество всевозможных профессий» (курсив Стивенсона. – Г. В.) [23, p. 212–213]. Таким образом, мальчик, играющий в Робинзона, получает возможность «безнаказанно» примерять на себя «женские» функции, такие как стирка белья или приготовление пищи. В то же время ребенок-аристократ может побыть строителем, охотником, козопасом, лодочником – словом, перевоплотиться и примерить на себя множество ролей, не подходящих ему по социальному статусу. «Отыгрывание» всевозможных ролей, по Р.Л. Стивенсону, – ключевая суть детской игры [см.: 23, p. 216–217], а в случае с «Робинзоном» она доводится до предела, превращая таким образом эту игру в разновидность театрального представления.

Впервые о чтении «Робинзона Крузо» в контексте театра и театральной игры заговорил еще французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778). Рассуждая о пользе «Робинзона...» Дефо, Руссо отмечал, что чтение этого романа ребенком представляет собой не чтение как таковое, но «игровое общение с книгой, конструирование параллельной реальности, театрализованное разыгрывание роли и ситуации» [7, с. 105]. Такая «игра в Робинзона» становится игрой не для публики, но для самого себя, театром одного актера и, что важнее, одного зрителя. Руссо отмечает «склонность ребенка-читателя к аффективно-игровому восприятию прочитанного, склонности к перевоплощению в любимых персонажей» [7, с. 100]. Об этой же способности столетием позже напишет Р.Л. Стивенсон в уже упоминавшемся эссе «Детские игры»: «Если придуманная игра включает несчастный случай, произошедший на уступе скалы, то ребенок должен взобраться на ко-

мод с ящичками – и броситься оттуда плашмя на ковер; только тогда его воображение будет вполне удовлетворено. <...> Ничто не в силах поколебать веру ребенка в происходящее – и он с готовностью примет самые грубые заменители, будет сглаживать самые острые углы. Стул, который он только что осаждал, будто вражеский замок, или доблестно повергал наземь, словно убитого дракона, могут вдруг забрать для того, чтобы посадить на нем раннего гостя, – но ребенка это ничуть не обескуражит; он может целый час сражаться с ведерком для угля – и не смутится, когда в его зачарованное королевство войдет вдруг садовник с трезвым желанием накопать картошки к обеду» [23, р. 211].

В конце XVIII века «Робинзон Крузо» был впервые адаптирован к сцене (первой его постановкой стала музыкальная драма «*Hannah Hewitt, or Female Robinson*», представленная в Лондонском Королевском театре в 1798 году), а уже в начале следующего столетия появились атрибуты для домашних спектаклей. Так, фирма «*Hodgson & Co*» «производила материалы для более чем семидесяти различных пьес, вкупе с бутафорией, масками персонажей и текстами реплик» [12, р. 17]; в 1824 году увидели свет и первые театральные буклеты. По большей части такой реквизит предназначался для детских постановок домашнего театра; главную роль, как предполагалось, в такой пьесе будет играть сам ребенок; для него же изготавливались костюмы, деревянные ружья, плетеные зонтики – и даже бородатые маски на тесемках и с прорезями для глаз [см.: 21, р. 131–153]. Весь этот реквизит, разумеется, использовался детьми не только на сцене, в представлениях «для родителей», но и в своих собственных играх, в зрители, как уже отмечалось, не нуждавшихся.

Впрочем, как в Англии, так и в России (где атрибуты для «игры в Робинзона» не продавались особо) дети нередко обходились и без подобных приспособлений – и с большей охотой обращались к реквизиту «естественному». Таковым мог стать не только самодельный плот (как в истории Р. Джеффриса), но и настоящая лодка, обнаруженная в отцовском сарае или даже изготовленная по просьбе ребенка. Ср., например, следующий эпизод из детских воспоминаний знаменитого театрального деятеля, актера и режиссера Малого театра А.П. Ленского (1847–1908): «У меня была еще лодка в два аршина длины, сделанная для меня крепостным столяром. Эта лодка изображала тот корабль, после крушения которого Робинзон выбросило на берег необитаемого острова. Игра, конечно, происходила на суше, что не мешало мне проделывать все перипетии крушения с полной добросовестностью. Сидя в лодке и ухватясь руками за ее борта, я раскачивался в ней до одури, воссылая к небу горячие мольбы о спасении; затем вскакивал внезапно на ноги, делал прыжок и падал в воображаемое море, где долго боролся с волна-

ми, затем замирал на некоторое время в картинной позе, точно скопированной с гравюры, воображая себя выброшенным на берег острова» [4, с. 21–22].

Игра в Робинзона, как видим, опять же превращается в театральное действие для одного актера без зрителей, с множеством переживаемых эмоций, и требует от ребенка активной работы воображения. В этой связи характерны наблюдения М.А. Волошина, который в эссе «Театр как сновидение» (1912/1913) выделяет три типа детских игр: (1) «действенные и буйные», «выражающиеся в движении... соответствующем оргическому состоянию динозаврских таинств»; (2) «Греза с открытыми глазами»; (3) «Тип творческого преобразования мира» – а о последнем к тому же замечает: «У человека взрослого этот тип игры становится поэтическим творчеством» [1, т. 6, кн. 1, с. 190]. «Игра в Робинзона», какой мы ее видим на примере воспоминаний Ленского, становится чем-то средним между вторым и третьим (по М. Волошину) типами.

Еще один яркий пример «игры в Робинзона» «без реквизита» описывается в повести Л.Н. Толстого «*Детство*» (1852). В основе этой игры лежит, впрочем, не роман Д. Дефо, но «*Швейцарский Робинзон*» Й.Д. Висса; он был переведен на русский язык в 1833–1834 годах, однако рассказчик и другие дети, очевидно, читали его в оригинале: «Игра эта состояла в представлении сцен из “*Robinson Suisse*”, которого мы читали незадолго пред этим» [9, с. 23]. Дети, распределив между собой роли, садятся в воображаемую лодку (по сути, просто на землю) и делают вид, что работают веслами; при этом Володя, старший ребенок в семье, нарочито демонстрирует презрительное отношение к такому «глупому» развлечению: «Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, не имеющей ничего схожего с позой рыбака. Я заметил ему это; но он отвечал, что оттого, что мы будем больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграем и не проиграем и всё же далеко не уедем» [9, с. 23–24].

Чуть ниже рассказчик говорит о своем старшем брате, что «у него... слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне наслаждаться игрою в Робинзона», хотя и отмечает его «благоразумие»: «Я сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя... <...> Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?...» [9, с. 24]

Об аналогичной игре, проходившей на территории имени «Даровое», вспоминает брат Ф.М. Достоевского Андрей, который был младше Фёдора на четыре года: «Другая игра, тоже выдуманная братом Федею, была игра в Робинзона. В эту игру мы играли с братом вдвоем; и, конечно, брат Федя был Робинзоном, а мне приходилось изображать

Пятницу. Мы *усиливались воспроизвести* в нашей липовой роще все те лишения, которые испытывал Робинзон на необитаемом острове» (курсив наш. – Г. В.) [10, т. 1, с. 73]. К сожалению, А.М. Достоевский не оставил подробного описания этой игры; однако он явно делает акцент на том, что развлечение, выдуманное его старшим братом, требовало от них определенных «усилий» и творческого, «воспроизводящего» воображения.

Впрочем, нередко при «игре в Робинзона» не всё строится исключительно на детской фантазии; возникает и творческое преображение мира (третий тип игр по М. Волошину). Роль острова, лодки, пещеры, хижины начинает играть адаптированное для того пространство; джунглями в такой игре-«пьесе» могут стать «лопухи подле плетня, отделяющего сад от огорода» [4, с. 22], пещерой – шкаф или чулан в усадебном доме, пляжем – берег реки, а хижинкой – овечий закут или сеновал. Даже в тех случаях, когда ребенок пытается быть последовательным в игре, от него всё равно требуется немалая доля условности; так, например, А.П. Ленский вспоминает: «Все труды и невзгоды несчастного мореплавателя проделывались мною в последовательном порядке: я ел корни растений, спал на дереве, жил в пещере...» [4, с. 22]. Упомянув о том, что он спал на дереве, Ленский, скорее всего, имеет в виду, что он *изображал*, отыгрывал сон Робинзона, прикладываясь на несколько минут на толстую ветку или сук (едва ли маленькому барину позволили бы действительно заночевать одному, за пределами дома, да еще и высоко над землей). Таким образом, играющий в Робинзона маленький Саша Ленский, будущий знаменитый режиссер и актер, предстает интерпретатором *par excellence*, глубоко погруженным в творимую им игру. «Я стал жить исключительно в мире фантазии...» – напишет он впоследствии, назвав своими любимыми героями опять-таки Робинзона Крузо и Дон Кихота [см.: 4, с. 22–23].

Особо следует отметить и необычные проявления «игры в Робинзона», где ребенок выступает не актером и режиссером, а – развивая театральную метафору – кукловодом. Пример такой игры представлен шотландским писателем Кеннетом Грэмом (1859–1936) в рассказе «Голубая комната» («The Blue Room») из сборника «Золотой возраст» («The Golden Age», 1895): «...однажды мы вздумали играть с мертвой мышью на [крышке от] пианино: мышь была Робинзоном Крузо, пианино – островом, а потом Крузо как-то проскользнул внутрь острова, застрял между струн, и достать его оттуда не получилось, хотя мы и лазали туда граблями и много чем еще, пока не пришел настройщик» [17, р. 209].

* * *

В 1883 году уже упоминавшийся Р.Л. Стивенсон в романе «Остров сокровищ» («Treasure Island») предложил маленькому читателю новую,

более перспективную модель для знакомой по «робинзонадам» игры. Помимо необитаемого острова, затерянного где-то в бескрайних южных морях, новая игра предполагала еще плавание на корабле, стычки с пиратами, перестрелки, заговоры, пушечную пальбу, сражения на звонких саблях – словом, всё, увлекавшее мальчишек-читателей. Был в этой истории и свой «Робинзон» – бывший пират Бен Ганн, оставленный на острове капитаном Флинттом и впоследствии, подобно Робинзону, «освоившийся». Тот факт, что образ Бена Ганна эксплуатирует и даже пародирует Крузо, был давно отмечен исследователями [цит. по: 18, р. 215], хотя Стивенсон, безусловно, пытается этот образ переосмыслить. Так, к примеру, он сознательно уходит от «естественного» костюма Робинзона – и облачает Бена Ганна в одежду из «лохмотьев старого паруса и матросской рубахи», подпоясанную кожаным моряцким ремнем с медной пряжкой.

Впрочем, интерес к «игре в Робинзона» отчасти сохранился среди английских детей и после публикации романа Р.Л. Стивенсона. В частности, в книге Артура Рэнсома (1884–1967) «Амазонки и ласточки» («Swallows and Amazons», 1930) – первом романе одноименной серии о приключениях четырех детей, издававшейся в 1930–1967 годах, – герои, испросив позволения родителей (отец, капитан дальнего плавания, присылает свое согласие в письме), отправляются с лагерем на озерный остров. Книгу Дефо, одну из своих любимых, дети берут с собой, однако в целом их игра разворачивается совсем не по схеме «робинзонады». Собственно рассуждениям о Робинзоне в книге посвящена отдельная, 18-я, глава, которая по принципу «от противного» доказывает важность игровой условности. После того как дети устраивают на острове лагерь, одна из героинь, Титти, третья по старшинству девочка, пытается почувствовать себя Робинзоном – и никак не может ощутить этого в полной мере; ей постоянно что-то мешает. «Титти обвела взглядом лагерь и сразу почувствовала, что что-то не так. Под деревьями стояли две палатки, а потерпевшему кораблекрушению и живущему на необитаемом острове моряку было положено жить в одной палатке» [8, с. 132]. И далее: «Было совершенно ясно, что в этой палатке обитают два человека, а вовсе не одинокий моряк, выживший после кораблекрушения». Девочка пытается «адаптировать» окружение под антураж «игры в Робинзона»; но в этой ей мешает то гудок проходящего недалеко парохода, то «лишний» тюфяк в палатке (ведь, по сюжету, Робинзон должен жить один), то приезжающая на остров мама. Не будучи погружена в театральную иллюзию, героиня не может ощутить себя выброшенным на остров человеком – и игра, так и не начавшись, оказывается обречена на провал.

Впрочем, если рассматривать роман А. Рэнсома в контексте «игры в Робинзона», то следует сделать еще одну оговорку. Детей в «Ласточках

и амазонках» четверо, тогда как Крузо – по понятным причинам – обязательно одинок. Дети поздней викторианской и эдвардианской литературы, по замечанию Э. Гэвина, – «идеализированные, потерянные, желанные, жизнерадостные, неоромантически сопряженные с миром природы и воображением; они всегда существуют группами и лишь очень редко – поодиночке» [16, р. 12]. Игры их многообразны – но почти всегда предполагают большое число участников; поэтому «игре в Робинзона» они предпочитают игру в рыцарей Круглого стола, в аргонавтов или в «кавалеров и круглоголовых» (английский аналог «казаков-разбойников»)³.

«Игра в Робинзона» предполагает участие только одного – или, в пределе, двоих детей, один из которых вынужден представлять собой Пятницу. Эту «подчиненную» по отношению к Крузо роль может отыгрывать либо младший ребенок по отношению к старшему (как в воспоминаниях А.М. Достоевского), либо снисходительный взрослый (как в «Ласточках и амазонках», где эту роль берет на себя мама Титти), либо ребенок с более низким социальным статусом. Именно таков Марк по отношению к Бевису, сыну хозяина богатой фермы. Еще один пример встречаем в воспоминаниях А.П. Ленского: «До встречи с Пятницей всё шло как нельзя лучше, но отсутствие этого действующего лица сильно меня озабочивало. <...> Выбор мой пал на дворового мальчика, сына скотницы Агафьи, по прозвищу Морька» [4, с. 22]. «Пятница» Морька принимает от барина посвящение: «Тут же был ему дан и первый урок: расprostираться ниц, ставить мою ногу себе на шею, – одним словом, ему были преподаны мной те знаки верноподданничества, коими начинается роль Пятницы» [4, с. 22]. Длительная несколько дней «оживленная – до самозабвения – игра» была замечена слугами, которые встревожились и не замедлили донести, что «барчук играет с беспортошным»: «...нас разлучили, наказали, и я снова стал одинок в этом огромном доме и саду...» [4, с. 22].

В английской литературе роль Пятницы по отношению к Робинзону-ребенку нередко исполняет домашний питомец. Ср. в стихотворном эпилоге к повести Редьярда Киплинга (1865–1936) «Кошка, которая гуляла сама по себе» («The Cat that Walked by Himself») из сборника «Сказки просто так» («Just So Stories», 1902): «Pussy will play Man-Friday till / It's time to wet her paw / And make her walk on the window-sill / (For the footprint Crusoe saw)...»⁴ – «Кошечка будет играть Пятницу, а потому / Пора намочить ей лапки / И пустить погулять по подоконнику / (Чтобы [она оставила] следы, которые увидит Робинзон») [20, р. 223].

В русской литературе животные обычно играют роль собственно животных – спутников Крузо либо, контекстуально, дикарей: «Всегдашним содержанием наших игр были приключения Ро-

бинзона Крузо, причем Пупс (собака Ленского. – Г. В.) изображал то прирученную ламу, то собаку Робинзона, и, что бы я ни делал, подражая знаменитому герою, Пупс всегда сопровождал меня, важно сидел на обгрызке своего хвоста и серьезным взглядом своих смысленных глаз следил за мной» [4, с. 21].

Об игре в «Робинзона» с участием собаки вспоминает и Н.К. Крупская (1869–1939) в автобиографическом рассказе «Лёля и я» (1917): «Вечером, когда нас уложили спать и ушли, наказав не разговаривать и засыпать, мы всё же решили поиграть еще немножко в Робинзона. <...> Мидошка (сеттер, любимец семейства Бронских, в доме у которых гостит рассказчица. – Г. В.) лежал под дверью. Услышав, что мы возимся, он стал легонько повизгивать и скрестись в дверь. Лёля побежала ему открывать. Вбежал Мидон. “Индейцы! – закричала я. – Защищайся!” Мы схватили подушки и стали бросать в Мидошку подушками. Началась невероятная беготня, визг, лай. Мы забыли, что на свете есть большие и что нам велено спать» [3, т. 1, с. 23].

Иногда Робинзон удостаивался и вовсе необычных ролей. Один из таких примеров находится в воспоминаниях Т.А. Луговской (1909–1994), относящихся к последним предреволюционным годам; писательница вспоминает любимую куклу Робинзона Крузо, подаренную ей кем-то из родителей в детстве: «Я поиграла в Робинзона поученому, а потом всё сделала наоборот. То он был моим котенком, и я совала его в кружку с молоком. Потом сделался ребенком, и я свивала его старым маминым чулком, учила ходить, таская по полу, учила плавать, спустив его однажды на веревочке в уборную» [5, с. 47].

В первой половине XX века интерес к Робинзону среди детей как в России, так и в Англии постепенно начинает снижаться. Несмотря на то, что в изобилии продолжали выходить детские адаптации (а в СССР – вольные переложения и точные переводы), упоминания «игры в Робинзона» в детской литературе уже практически не встречаются. В Англии история «робинзонад», как принято считать, завершилась в 1954 году, с публикацией в издательстве «Faber & Faber» дебютного романа Уильяма Голдинга (1911–1993) «Повелитель мух» («Lord of the Flies»). Голдинг развенчивает идиллию «Кораллового острова» и «Ласточек и амазонок» (оба произведения упоминаются на страницах «Повелителя...») – и показывает, чем в действительности окажется для оставленных без опеки детей якобы райский остров, где, выражаясь словами Ивана Карамазова, «всё позволено».

В советской литературе 1920–1930-х годов интерес к Робинзону, впрочем, отчасти сохранялся. Как отмечала в 1929 году, говоря о романе Дефо, Е.П. Привалова, «поле его деятельности широко: это не академическая библиотека, а гуца народной и детской аудитории» [6, с. 42]. Важность книги

о Робинзоне отмечалась советскими педагогами (в частности, о нем писали Н.К. Крупская, А.С. Макаренко, М. Горький); во множестве появлялись его адаптированные версии (самой известной из которых является пересказ К.И. Чуковского, впервые напечатанный в 1935 году). В 1923–1925 годах имя любимого героя носил детский журнал «Новый Робинзон», печатавшийся ежемесячно под редакцией З.И. Лилиной и С.Я. Маршака.

Однако в военные и послевоенные годы интерес к игре в одинокого островитянина среди юной аудитории постепенно угас. У детей появлялись новые достойные подражания герои – в том числе и из недавнего военного прошлого: воины-освободители, солдаты и офицеры, пионеры-герои, советские граждане; история же Робинзона постепенно сместилась из театрального дискурса – в дискурс литературный, «книжный». Робинзон становится персонажем книги, по-прежнему читаемой и любимой – но не объектом возможного перевоплощения и не персонажем активной игры. Из детской литературы послевоенных лет описания «игры в Робинзона» исчезают совсем, тогда как отдельные упоминания персонажа Дефо сводятся к «кругу детского чтения» или к сугубо книжным образам. Так, в песне, заключающей аудиосказку «Хоттабыч!» (1979; исп. детский вокальный ансамбль «Мелодия» п/у Г. Гараяна) есть строки: «Мы все Робинзоны, мы все Д’Артаньяны...», сближающие книжных героев двух разных стран и эпох исключительно по принципу читательской к ним любви. Отголоски «робинзонад» звучат в творчестве В.П. Крапивина: бриг «Робинзон» в рассказе «Остров Привидения» (1981), мимоходом намеченная – и тут же оборванная – тема «робинзонады» в романе-пособии «Фрегат “Звездица”» (1998). Отзвуком исторической памяти могут считаться и ежегодные игры-«робинзонады», до сих пор проходящие в имении «Даровое» – в память об увлечении маленьких Фёдора и Андрея Достоевских⁵. Впрочем, всё это, очевидно, – лишь остаточные следы угасшего интереса, но никак не новый виток в развитии некогда популярной игры. «Игра в Робинзона» среди детей безвозвратно ушла в прошлое и стала скорее книжным фактом – впрочем, безусловно интересным и заслуживающим внимания исследователей.

Примечания

¹ Подробнее о «круге детского чтения» в Англии XVII–XIX вв. см., напр.: [15].

² Это эссе оказало большое влияние на детскую литературу золотого века и стало программным для английской детской литературы; см. об этом, напр.: [14, p. 122 ff.].

³ Все они изображаются в сборнике К. Грэма «Золотой возраст», особенно – в рассказах «За сценой – шум битвы» («Alarums and Excursions») и «Аргонавты» («The Argonauts»).

⁴ Это стихотворение даже издавалось отдельно, под заголовком «Игра в Робинзона Крузо» («Playing Robinson Crusoe»).

⁵ См.: Последнее лето детства: фоторепортаж Д. Лысовой. – URL: <http://darovoe.ru/archives/4662> (дата обращения: 26.10.2019).

Библиографический список

1. *Волошин М.А.* Собрание сочинений: в 13 т. / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулёвой. – М.: Эллис Лак, 2000: Азбуковник, 2003–2015. – Т. 6 (1). – 896 с.
2. *Дефо Д.* Робинзон Крузо. История полковника Джека: пер. с англ. / вступит. статья М. и Д. Урновых. – М.: Художественная литература, 1974. – 528 с. – (Сер. «Библиотека всемирной литературы»). Серия первая. Том ЛII).
3. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова; подгот. текста и примеч. Ф.С. Озерской. – М.: Изд-во академии педагогич. наук, 1957–1962. – Т. 1: Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. – 512 с.
4. *Ленский А.П.* Статьи. Письма. Записки / сост. В.В. Подгородинский; предисл. Ю.М. Соломина; ст. А.А. Чепурова, А.Я. Альтшуллера, В.А. Нелидова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 384 с. – (Сер. «Библиотека Малого театра»).
5. *Луговская Т.А.* Как знаю, как помню, как умею. Воспоминания, письма, дневники. – М.: Аграф, 2001. – 384 с. – (Символы времени).
6. *Привалова Е.П.* «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе / публ. А.А. Сенькиной // Детские чтения. – 2012. – № 2. – С. 41–54.
7. *Рогинская О.* Жан-Жак рекомендует, или Как роман «Робинзон Крузо» стал книгой для детей // Логос. – 2013. – № 6 (96). – С. 97–114.
8. *Рэнсом А.* Ласточки и амазонки / пер. с англ. М. Авдониной. – М.: ЭКСМО, 2008. – 480 с. – (Сер. «Всемирная детская классика»).
9. *Толстой Л.Н.* Детство. Отрочество. Юность / изд. подгот. Л.Д. Опульская. – М.: Наука, 1978. – 528 с. – (Сер. «Литературные памятники»).
10. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. статья, сост. и коммент. К. Тюнькина, подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. – М.: Художественная литература, 1990. – 623 с. – (Сер. «Литературные мемуары»).
11. *Хеллман Б.* Сказки и быль: История русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с. – (Сер. «Научная библиотека». Вып. CLV).
12. *Brown K.D.* The British Toy Business: A History Since 1700. – L.; Rio Grande: Hambledon Press, 1996. – 248 p.
13. *Carpenter H.* Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children’s Literature. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. – 244 p.

14. *Carpenter H., Prichard M.* The Oxford Companion to Children's Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 608 p.
15. *Darton F.J.H.* Children's Books in England: Five Centuries of Social Life. 3rd ed. / rev. Br. Alderson. – Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1982. – 416 p.
16. *Gavin A.* The Child in British Literature: Literary Constructions of Childhood, Medieval to Contemporary / ed. A.E. Gavin. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 266 p.
17. *Grahame K.* The Golden Age. – Chicago: Stone & Kimball, 1895. – 242 p.
18. *Hunt P.* Explanatory Notes // *Stevenson R.L.* Treasure Island / ed. and with an Introd. and Notes by P. Hunt. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 203–220. – (Ser. «Oxford World's Classics»).
19. *Jefferies R.* Bevis: The Story of a Boy: In 3 vol. – L.: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. – 288 + 296 + 296 p.
20. *Kipling R.* Just So Stories / pictures by J.M. Gleeson. – Garden City (NY): Doubleday & C°, 1912.
21. *O'Malley A.* Children's Literature, Popular Culture, and Robinson Crusoe. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 195 p. – (Ser. «Critical Approaches to Children's Literature»).
22. *Stevenson R.L.* A Child's Garden of Verses. – L.: Longmans, Green & C°, 1885. – X + 106 p.
23. *Stevenson R.L.* «Virginibus Pieriqsue» and Other Papers. – Boston: Small, Maynard & C°, 1907. – IX + 256 p.
- pedagogicheskoy literature / publ. A.A. Sen'kinoy // Detskije chteniya. – 2012. – № 2. – S. 41–54.
7. Roginskaya O. ZHan-ZHak rekomenduet, ili Kak roman «Robinzon Kruzo» stal knigoy dlya detej // Logos. – 2013. – № 6 (96). – S. 97–114.
8. Rensom A. Lastochki i amazonki / per. s angl. M. Avdoninoy. – M.: EKSMO, 2008. – 480 s. – (Ser. «Vsemirnaya detskaya klassika»).
9. Tolstoj L.N. Detstvo. Otrochestvo. YUnost' / izd. podgot. L.D. Opuľ'skaya. – M.: Nauka, 1978. – 528 c. – (Ser. «Literaturnye pamyatniki»).
10. F.M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. / vstup. stat'ya, sost. i komment. K. Tyun'kina, podgot. teksta K. Tyun'kina i M. Tyun'kinoy. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 623 s. – (Ser. «Literaturnye memuary»).
11. Hellman B. Skazki i byl': Istoriya russkoj detskoj literatury / avtoriz. per. s angl. O. Buhinoy. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 560 s. – (Ser. «Nauchnaya biblioteka». Vyp. CLV).
12. Brown K.D. The British Toy Business: A History Since 1700. – L.; Rio Grande: Hambledon Press, 1996. – 248 p.
13. Carpenter H. Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. – 244 p.
14. Carpenter H., Prichard M. The Oxford Companion to Children's Literature. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 608 p.
15. Darton F.J.H. Children's Books in England: Five Centuries of Social Life. 3rd ed. / rev. Br. Alderson. – Cambridge (MA): Cambridge University Press, 1982. – 416 p.
16. Gavin A. The Child in British Literature: Literary Constructions of Childhood, Medieval to Contemporary / ed. A.E. Gavin. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 266 p.
17. Grahame K. The Golden Age. – Chicago: Stone & Kimball, 1895. – 242 p.
18. Hunt P. Explanatory Notes // *Stevenson R.L.* Treasure Island / ed. and with an Introd. and Notes by P. Hunt. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 203–220. – (Ser. «Oxford World's Classics»).
19. Jefferies R. Bevis: The Story of a Boy: In 3 vol. – L.: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. – 288 + 296 + 296 p.
20. Kipling R. Just So Stories / pictures by J.M. Gleeson. – Garden City (NY): Doubleday & C°, 1912.
21. O'Malley A. Children's Literature, Popular Culture, and Robinson Crusoe. – L.; N. Y.: Springer, 2012. – 195 p. – (Ser. «Critical Approaches to Children's Literature»).
22. Stevenson R.L. A Child's Garden of Verses. – L.: Longmans, Green & C°, 1885. – X + 106 p.
23. Stevenson R.L. «Virginibus Pieriqsue» and Other Papers. – Boston: Small, Maynard & C°, 1907. – IX + 256 p.

References

1. Voloshin M.A. Sobranie sochinenij: v 13 t. / pod obshch. red. V.P. Kupchenko i A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulyovoj. – M.: Ellis Lak, 2000: Azbukovnik, 2003–2015. – T. 6 (1). – 896 s.
2. Defo D. Robinzon Kruzo. Istoriya polkovnika Dzheka: per. s angl. / vstupit. stat'ya M. i D. Urnovyh. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 528 s. – (Ser. «Biblioteka vseмирnoj literatury». Seriya pervaya. Tom LII).
3. Krupskaya N.K. Pedagogicheskie sochineniya: v 10 t. / pod red. N.K. Goncharova, I.A. Kairova, N.A. Konstantinova; podgot. teksta i primech. F.S. Ozerskoj. – M.: Izd-vo akademii pedagogich. nauk, 1957–1962. – T. 1: Avtobiograficheskie stat'i. Dorevolucionnyye raboty. – 512 s.
4. Lenskij A.P. Stat'i. Pis'ma. Zapiski / sost. V.V. Podgorodinskij; predisl. YU.M. Solomina; st. A.A. CHepurova, A.YA. Al'tshullera, V.A. Nelidova. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 384 s. – (Ser. «Biblioteka Malogo teatra»).
5. Lugovskaya T.A. Kak znayu, kak pomnyu, kak umeyu. Vospominaniya, pis'ma, dnevniki. – M.: Agraf, 2001. – 384 s. – (Simvolj vremeni).
6. Privalova E.P. «Robinzon Kruzo» v detskoj i